

Аля Мяун

**РАЗВОД.
НОЖ В СПИНУ**

УДК 82-3
ББК 84-4
М99

М99 **Мяун А.**
Развод. Нож в спину / Аля Мяун – М.: Литнет, 2026. – 88 с.

ISBN 978-5-521-94645-7

Наш развод грязный и тяжелый. Позорные подробности измены мужа разбираются в суде. А мне уже не больно. Мне все равно. ХЭ.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-94645-7

© Литнет, 2026
© А. Мяун, 2026

Глава 1

Запах в приемном покое больницы – это уникальный коктейль. Он состоит из стерильности, хлорки, чужой боли и застарелого отчаяния.

Я сижу на жесткой кушетке, обтянутой чем-то холодным и липким, и вдыхаю больничный аромат полной грудью. Мне кажется, он уже вьелся в мою одежду, в волосы, в самую душу.

– Кать! Ну где они?! Где эти коновалы?! – воет с каталки моя свекровь, Анна Аристарховна. Я бы тоже вышла, наверное, если бы моя лодыжка отекала и синела прямо на глазах.

– Нога ломит, голова раскалывается! Я умираю, а им дела нет! – продолжает она стонать.

– Анна Аристарховна, потерпите! – бормочу я, в сотый раз набирая номер мужа. Короткие гудки. Абонент недоступен. Ну конечно! Игорь всегда недоступен, когда он действительно нужен.

– Врач сейчас придет! – бормочу успокаивающе – Мы же не одни! Вон людей сколько, тех, кто впереди нас!

Свекровь приподнимается на локтях. Ее седые волосы растрепаны, косметика размазана... Анна Аристарховна похожа на ведьму из фильмов ужасов.

– Много людей? А я, по-твоему, не человек? – орет она на всю больницу.

На нас оборачиваются даже лежащие на каталках.

– Мой муж всю жизнь трудился для людей, для этого города! – заводит она привычную песню – А теперь его вдова должна в приемном покое очереди дожидаться!

При любых, даже таких драматичных обстоятельствах, Анна Аристарховна не забывает упомянуть, что ее муж был «большим начальником». Что это было давно, она предпочитает забывать.

– Что ты сидишь, как мумия? – орет она уже на меня – Сидит, радуется моим страданиям! Сделай что-нибудь!

– Я попробую позвать доктора! – говорю, поднимаясь, и смотрю по сторонам.

Люди в голубых медицинских униформах занимаются другими пациентами, или, торопливо и озабоченно, снуют по коридорам. Не ловить же их! Это как-то неловко.

– И машину твою кто разбил? – вопрошает свекровь – Я?! Ты думаешь, я, раз за рулем была? Нет! Это тот идиот на «Газели» меня подрезал!

Машину. Мою ласточку, мой маленький «Солярис», на который я копила три года, работая в своей страховой без выходных и отпусков... И все равно, взят в кредит. Игорь не дал ни копейки, посчитав машину для меня ненужной роскошью. Анна Аристарховна тоже ругалась, что не мешает ей теперь пользоваться мой ласточкой, когда вздумается. И вот, доездилась...

– Конечно, он виноват! – миролюбиво соглашаюсь я.

Спорить с Анной Аристарховной – все равно что пытаться переубедить тайфун. Проще переждать, пока он сам не утихнет.

Я снова смотрю на часы. Полдень. Рома уже, наверное, собирает чемоданы.

Мысль о сыне колет сердце острой иглой.

Менингиома. Это страшное, чужеродное слово поселилось в нашей жизни месяц назад и теперь диктует все: наши планы, наши страхи, наши надежды. Операция в Германии – единственный шанс при такой опухоли головного мозга.

Я должна быть с сыном. Собирать вещи, говорить успокаивающие банальности... Лететь с ним в Германию. Должна держать его за руку, пока он засыпает под наркозом, и быть рядом, когда он проснется.

А я сижу здесь, в этом аду из запахов и стонов, со сломанной ногой свекрови.

– Где врач?! Я буду жаловаться! Министру здравоохранения буду звонить! – не унимается Анна Аристарховна.

И, словно в ответ на ее вопросы и угрозы, мимо нас проходит очередная фигура в медицинской униформе, со стетоскопом на шее. Мужчина. Высокий, широкоплечий, с уставшим лицом и темными кругами под глазами.

Слушать вопли свекрови, и смотреть на ее страдания невыносимо, и я решаюсь – хватаю его за рукав, и бормочу:

– Доктор, мы после аварии! Давно ждем, а нам бы срочно!

Он смотрит без особого интереса – скользит взглядом по мне, потом по орущей Анне Аристарховне.

– Что у нас тут? – спрашивает низким глухим голосом.

– У меня нога сломана! И голова! Черепно-мозговая травма! – немедленно докладывает свекровь.

Врач подходит ближе, бесцеремонно берет посиневшую конечность в руки. Анна Аристарховна визжит, будто ее режут.

Я вздрагиваю! Господи! Очередной костолом!

– Тише, тише! – говорит этот коновал свекрови – Сейчас посмотрим. Голова как болит? Тошнит? Звездочки перед глазами?

– Все болит! И тошнит! И звездочки! – с подвыванием перечисляет Анна Аристарховна.

Доктор светит маленьким фонариком ей в глаза, и хмурится.

– Зрачки в норме. На сотрясение не похоже. Выдумываете, бабушка! А вот ногу надо на рентген.

– Я не выдумываю! – оскорбляется свекровь – Вы что себе позволяете?!

Она вдруг замирает, принохивается и торжествующе восклицает:

– Вы пьяны! От вас спиртом пахнет! Кать, он пьяный!

Кажется, Анна Аристарховна вмиг забыла о своих травмах и болях.

Я напрягаюсь. Тоже принохиваюсь. И правда! Легкий, едва уловимый, но отчетливый запах перегара.

Мое терпение, и без того натянутое до предела, с треском лопается. Все сходится в одной точке: операция сына, разбитая машина, недоступный муж, кричащая свекровь и пьяный врач.

– Вы что, на рабочем месте употребляете? – спрашиваю ледяным тоном, поднимаясь с кушетки. Я, Екатерина Васильевна Тропинина, начальник отдела Урегулирования, умею разговаривать с людьми так, чтобы им становилось не по себе.

Врач медленно поворачивает голову в мою сторону. В его серых глазах мелькает что-то похожее на удивление, смешанное с раздражением.

– Что, простите?

– От вас пахнет алкоголем! – чеканю, доставая из сумки телефон – Я сейчас же напишу жалобу в Минздрав, и на горячую линию больницы! Вы не имеете права в таком состоянии приближаться к пациентам! Требую другого врача! Немедленно!

Мои пальцы уже летают по экрану, открывая сайт больницы. «Оставить отзыв». Отлично!

Врач смотрит на меня, потом на мой телефон, потом снова на меня. Уголок его рта дергается в кривой усмешке.

– Похвальное рвение, гражданка Зайцева!

Машинально нажимаю на кнопку «Отправить».

Что? Зайцева? Мою девичью фамилию не произносили вслух уже лет двадцать пять. Никто, кроме старых школьных подруг, которых я почти не вижу.

Поднимаю глаза и вглядываюсь в его лицо. Усталое, помятое, с сеткой морщин у глаз. Но сами глаза... Серые, насмешливые. И эта кривая усмешка. Боже мой!

– Кисель? – выдыхаю я.

Мишка Киселев. Мой одноклассник, который сидел за последней партой и вечно дергал меня за косичку. Тот самый Мишка, который на выпускном поцеловал меня за школой, за что получил от Игоря, моего будущего мужа (о чем я тогда, конечно, не знала) в глаз.

– Он самый! Михаил Сергеевич Киселев! – кивает он, и усмешка становится шире – А пахнет от меня, гражданка Зайцева, вчерашним Днем Рождения. Сорок пять стукнуло, представляешь? Отмеча-

ли с коллегами. Так что, жалобу можешь отправлять, но освидетельствование покажет ноль промилле. Только время потеряешь.

Кровь бросается мне в лицо. Мне жарко, стыдно, неловко. Стыдно за свой скандал, за нелепые обвинения. Но больше всего стыдно за себя. За то, как я выпляжу. Передо мной стоит мужчина, который помнит меня подростком, и смотрит на сорокапятилетнюю, располневшую тетку с потухшим взглядом и вечной печатью усталости на лице. Я инстинктивно втягиваю живот и пытаюсь расправить плечи.

– Миша... Прости, Михаил Сергеевич. Я... Нервы... – бормочу, пряча телефон в сумку.

– Бывает! – неожиданно миролюбиво говорит он – С такой маман кто угодно занервничает.

Он кивает на Анну Аристарховну, которая с открытым ртом наблюдает за нашей сценой, и громко командует проходящей мимо медсестре.

– Так, везите бабулю на рентген. Живо!

И медсестра слушается – резко меняет курс, и направляется к моей свекрови.

– А ты, Зайцева, подожди здесь! Поговорим! – командует Киселев уже мне.

Глава 2

Рентген подтверждает мои худшие опасения. У Анны Аристарховны не просто ушиб, а трещина в большой берцовой кости. И гипс, от лодыжки до колена ей обеспечен, на ближайшие полтора месяца. Свекровь принимает эту новость с трагическим удовлетворением. Наконец-то, ее страдания получили официальное медицинское подтверждение!

Пока ей накладывают гипс, Мишка – язык не поворачивается назвать его Михаилом Сергеевичем – отводит меня в свой кабинет. Он садится за заваленный бумагами и картами пациентов стол, я пристраиваюсь на стул для посетителей.

– Ну, рассказывай, как жизнь? – спрашивает он, открывая ящик стола и доставая оттуда бутылку с водой – За Тропинина, как я понимаю, все-таки вышла?

– Вышла! – киваю я – Двадцать пять лет скоро будет. Серебряная свадьба.

– Ничего себе! – присвистывает он – А я разведен. Дети есть?

– Двое! Сын, Роман, ему двадцать четыре. И дочка, Яна, двадцать два.

– Взрослые совсем! Моему Андрюхе пятнадцать.

Улыбаюсь, киваю... Киселев жадно пьет воду. Молчание затянулось, и стало неловким. Но Мишка ничего не говорит, а я... Что я еще могу ему рассказать? Что работаю в постылой страховой, что сын тяжело болен, что муж вечно занят, а я живу со свекровью, которая меня ненавидит? Что я смотрю на себя в зеркало, и сама не узнаю ту Катю Зайцеву, с которой он много лет учился бок о бок?

– А ты как? Врачом стал... Никогда бы не подумала! – говорю я первое, что приходит в голову.

И понимаю, что ляпаю обидную чушь... Так высокомерно получилось!

– А я всегда хотел! – пожимает он плечами – После школы в армию сходил, мозги на место встали. Поступил в мед. После института, и по сей день, работаю тут, в травме.

– И как работаете? – спрашиваю, думая о другом.

О сыне, который пока не знает, что ему придется ехать без меня.

А мне придется ходить за Анной Аристарховной. Она не сможет без помощи, со своей ногой.

– Нормально! – отвечает Киселев – Весело у нас!

– Да уж! – говорю я, и ловлю на себе Мишкин взгляд.

Сочувственный?

Он смотрит на меня так, будто видит насквозь. Кажется, каждый лишний килограмм на моих бедрах, каждая морщинка у глаз кричат ему о моей неудавшейся жизни.

– Ладно, Кать, не кисни! – вдруг говорит он мягче – С мамашинной ногой ничего страшного. Срастется. Главное – уход и покой. Лежать ей, в основном... В туалет... ну, сама понимаешь. Судно, памперсы.

– Я понимаю! – тихо отвечаю, и прощаюсь. Пора. Его ждут пациенты, меня Анна Аристарховна.

...И вот мы уже едем в такси. Свекровь занимает почти все заднее сиденье, я притулилась в уголке, и ее загипсованная нога лежит на моих коленях. Она стонет при каждом повороте и подробно рассказывает водителю, молодому парню в наушниках, о своем умершем муже, бывшем, до перестройки, секретарем горкома партии; о своей аварии, о пьяных врачах и о черствой невестке.

Я смотрю в окно на проплывающий мимо май, который в этом году какой-то особенно отчаянный, словно пьяный от собственного цветения. Город, еще недавно серый и унылый после долгой зимы, сияет мягким призрачным светом. Старые тополя на обочине дороги, которые я помню еще тонкими прутиками, покрыты зеленой дымкой молодой листвы, и буйствует сирень. Ее нежный аромат проникает в салон, и сопровождает нас всю дорогу.

Смотрю на эту нежную красоту начинающегося лета, и чувствую, как внутри меня разрастается черная дыра отчаяния.

...Наша трехкомнатная квартира встречает тишиной и запахом валокордина.

Это квартира Тропининых.

В гостиной – громоздкая румынская стенка, которую Анна Аристарховна «достала по благу» еще при Брежневле. На стенах – ее фотографии в молодости, фотки маленького Игоря, и портреты ее покойного мужа. Время в этой квартире словно застыло в тех годах, когда Павел Петрович Тропинин работал «большим начальником».

Анна Аристарховна ничего не позволяет менять или убирать, вплоть до истерик и вызова «скорой».

Я пришла сюда двадцать пять лет назад юной женой, но так и не стала здесь хозяйкой. Моего здесь будто ничего и нет... Все в квартире говорит о том, что я – гость. Приживалка.

Мы с таксистом (пришлось заплатить, конечно) кое-как доставляем свекровь в ее комнату и укладываем на кровать.

– Воды! – командует она, едва ее голова касается подушки – Нет, не этой, из фильтра! И лимончик туда порежь. Да быстрее ты! Как неживая! И подушку мне взбей! Не так! Выше!

Мечусь между кухней и спальней, выполняя ее приказы. Когда она наконец замолкает, прикрыв глаза, на цыпочках выхожу из комнаты и падаю на диван в гостиной. Сил нет. Совсем.